

А.Л. Зиссерман

**Двадцать пять лет на Кавказе
(1842-1867)**

Часть первая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Л. Зиссерман**
Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867): Часть первая / А.Л. Зиссерман – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 430 с.

ISBN 978-5-458-16902-8

Часть первая (1842-1851 гг.). Воспоминания писателя Арнольда Львовича
Зиссермана, служившего в кавказских войсках, о своей долголетней службе.

ISBN 978-5-458-16902-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОПЕЧАТКИ ВЪ I-Й ЧАСТИ.

		<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
стр.	7 стр.	18 Гуть-горѣ	Гуть-горѣ
—	145 —	1 въ дѣйствительности	было въ дѣйствительности
—	184 —	5 а	я
—	177 —	3 (въ прилѣчаніи) вѣроятно	вирочемъ

I.

МНѢ БЫЛО 17 лѣтъ, когда, живя въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, я въ первый разъ прочиталъ нѣкоторыя сочиненія Марлинскаго. Не стану распространяться объ энтузіазмѣ, съ какимъ я восхищался *Амалатъ-Бекомъ*, *Мулла-Нуромъ* и другими очерками Кавказа; довольно сказать, что чтеніе это родило во мнѣ мысль бросить все и лѣтъ на Кавказъ, въ эту обѣтованную землю, съ ея грозною природой, воинственными обитателями, чудными женщинами, поэтическимъ небомъ, высокими, вѣчно покрытыми снѣгомъ горами и прочими прелестями, неминуемо воспламеняющими воображеніе семнадцатилѣтней головы, да еще у мальчика, съ дѣтства уже обнаруживавшаго чрезвычайную склонность къ опущеніямъ болѣе сильнымъ, чѣмъ обыкновенныя школьническія забавы. Оставалось придумать средства привести планъ въ исполненіе и я строилъ ежедневно кучу предположеній, оказывавшихся на другой день никуда нигодными. Вдругъ, совершенно неожиданно, представился, повидимому, удобный случай. Одинъ знакомый мнѣ канцелярскій чиновникъ, съ которымъ я заговорилъ о Кавказѣ, вспомнилъ, что недавно чителъ какое-то новое положеніе объ этомъ краѣ, о льготахъ, предоставляемыхъ служащимъ въ немъ и пр., и что самое лучшее было бы проситься туда на службу. Мысль мнѣ понравилась и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, какъ и подабаеть юношамъ, мы

предварительно достали огромную канцелярскую книжицу сенатскихъ указовъ, прочитали составленное сенаторомъ барономъ Ганомъ *Положеніе объ управленіи Закавказскимъ краемъ 1840 года*, то есть читали не все *Положеніе*, а главы о преимуществахъ вызываемыхъ туда на службу, и въ началѣ декабря 1841 года отправили просьбы къ тифлисскому губернатору о принятіи насъ на службу въ его вѣдомство.

Признаться сказать, мы имѣли весьма мало надежды на успѣхъ, и когда наступилъ уже май 1842, а извѣстій изъ Тифлиса никакихъ нн было, мы, что называется, махнули рукой и стали подумывать не попытаться ли поступить на службу въ Восточную Сибирь, лишь бы куда нибудь подальше пропутешествовать и удовлетворить страсти къ передвиженіямъ и сильнымъ опущеніямъ. Между тѣмъ, около половины мая въ губернскомъ правленіи получилась бумага изъ Тифлиса, что просьбы наши приняты, что насъ вызываютъ на основаніи такого-то параграфа Положенія, для чего снабдить подорожными, прогонами и проч. Съ восторгомъ выслушавъ это извѣстіе, мы, послѣ короткихъ сборовъ, безъ малѣйшихъ опасеній за будущее, 30 мая 1842 усѣлись на перекладную и пустились въ далекій, невѣдомый путь.

Скучна и утомительна была однообразная дорога по степямъ Херсонской, Екатеринославской и другихъ южныхъ губерній. Невыносимый жаръ, недостатокъ воды, полуразвалившіяся хаты вмѣсто почтовыхъ станцій, скверныя клячи, едва везущія трясую телѣгу, стада сусликовъ (овражковъ), да миражи, дразнящіе на каждомъ шагу надежды на тѣнь и воду. Въ добавокъ, мы ѣхали безъ всякаго маршruta и по произволу станціонныхъ смотрителей попадали на какой-то кружный путь чрезъ Орѣховъ, Мелитополь, Бердянскъ, Мариуполь и Таганрогъ, по самымъ пустыннымъ степямъ, палимымъ июньскимъ солнцемъ. Наконецъ, набравшись горя на славившихся своими безпорядками станціяхъ въ Войскѣ Донскомъ, мы дотащались до Ставрополя, который хотя и считался уже Кавказомъ, но ничѣмъ не отличался отъ любого губернскаго

города средней руки. Два условія только придавали ему особенный характер: костюмы линейныхъ казаковъ и изрѣдка попадавшихся туземцевъ, особенно верхами въ полномъ вооруженіи; еще болѣе, великолѣпный видъ на Кавказскій хребетъ, который, не взирая на почти четырехсотверстное отдаленіе, въ свѣтлое утро весь, какъ выточенный рельефъ гигантскихъ размѣровъ, величественно поднимался между мглою долинъ и синевою неба. До Георгіевска опять степная, изрѣзанная глубокими балками дорога. Вдругъ вправо показывается Эльборусъ, какъ будто окруженный четырьмя огромными отдѣльно стоящими холмами, и все это кажется рукой подать, между тѣмъ до этихъ холмовъ, у подножія коихъ Пятигорскъ и минеральныя воды, 40 верстъ. Далѣе до Екатеринограда и оттуда до Владикавказа на дорогѣ стояли пикеты казаковъ на вышкахъ, ѣздили съ конвоемъ, падались двухколесныя скрипучія арбы съ вооруженными туземцами погонщиками, да на каждой станицѣ угощали разказами о тревогахъ, нападеніяхъ и вообще происшествіяхъ, въ которыхъ только и слышались слова: немирные, мошенники-мирные, убили, зарѣзали, схватили, угнали... Все это очень рѣзко бросалось въ глаза ѣдущимъ изъ тѣхъ городковъ, гдѣ тишина нарушалась развѣшаннымъ крикомъ „караулъ“...

Во Владикавказѣ туземный элементъ уже видимо преобладалъ на улицахъ и я останавливался на каждомъ шагу любоваться этими молодецкими фигурами, въ живописныхъ костюмахъ, ловко сидящими въ сѣдлѣ. Здѣсь же въ первый разъ увидѣлъ я туземныхъ женщинъ, пришедшихъ на базаръ продавать куръ, масло и проч. Всѣ онѣ были въ какихъ-то лохмотьяхъ зеленого или синяго цвѣтовъ; наружность весьма непривлекательная, грязь непомѣрная. Гдѣ же „дѣвы горъ“?..

Владикавказъ, преддверіе настоящаго Кавказа, очень оживленное мѣсто; миновать его нельзя, онъ связываетъ Россію и Грузію; окрестности его очень живописны; въ самомъ городѣ съ шумомъ быстро несется мутный Терекъ. По истеченіи сутокъ, мы убѣдились въ напрасномъ ожиданіи почтовыхъ лошадей.

которыя, по словамъ смотрителя, въ разгонѣ. Случившійся въ казенной гостиницѣ офицеръ, старожилъ, далъ намъ добрый совѣтъ, не теряя напрасно времени, нанять лошадей у осетинъ и ѣхать верхомъ до станціи Коби, лежащей у подножія перевала черезъ хребетъ.

Заплативъ чуть-ли не тройные прогоны за двѣ клячки, на которыхъ вмѣсто сѣделъ были какіе-то обрывки войлоковъ (вещи навьючили на третью), мы пустились въ путь съ двумя оборванными проводниками. Они всю дорогу, безъ умолку, такъ громко говорили между собою, такъ сильно жестикулировали, что мы все ожидали драки; не понимая ни слова, съ воображеніемъ настроеннымъ преувеличенными толками объ опасностяхъ, подъ впечатлѣніемъ дико-угрюмой мѣстности, мы уже стали опасаться что насъ заведутъ въ тупицу и зарѣжутъ огромными, болтавшимися на поясахъ, кинжалами... Однако нечего было дѣлать, двигались все дальше, проѣхали Балту—небольшое поселеніе военнорабочихъ на дорогѣ и стали углубляться въ ущелье; у станціи Нарсъ дѣлала привалъ, да среди русскаго населенія отдохнули отъ страха, испытаннаго въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, и увѣрились, что проводники курицы не обидятъ, что „кричатъ они всегда — такой ужъ у нихъ, баринъ, нравъ азіятскій“, такъ выразился солдатикъ—сторожъ почтовой станціи.

Опять вскарабкались на тощихъ буцефаловъ и тронулись мѣрнымъ шагомъ дальше къ знаменитому Дарьялу, гдѣ реветъ Терекъ, громадность упирающихся въ него отвѣсныхъ скалъ, огромные грозящіе паденіемъ на голову камни, вся эта величаво-дикая природа производить, особенно на ѣдущихъ въ первый разъ, впечатлѣніе трудно передаваемое на бумагѣ. Всѣ поэтическія описанія, посвященныя этимъ мѣстамъ, все-таки слабы предъ дѣйствительностью. Понятно, что я былъ восхищенъ и съ какимъ-то трепетомъ сердечнымъ то поднималъ голову вверхъ чтобы смотрѣть на скалы, на торчащія изъ расщелинъ сосны, на сочащіеся источники, то опускалъ ихъ внизъ, чтобы смотрѣть на пѣнащуюся рѣку, съ какимъ то

бѣшенствомъ стремящуюся миновать всѣ препятствія, образовавшіеся на ея пути, въ видѣ обломковъ скалъ и гранитныхъ тѣснинъ; я вслушивался въ этотъ особенный шумъ, будто не совсемъ однообразный, будто слиящійся что-то выразить.

Ущелье все съуживалось, не допуская солнечныхъ лучей; оно принимало все болѣе мрачный видъ: люди и лошади, даже кой-какія постройки по дорогѣ, все это казалось чѣмъ-то такимъ мелкимъ, невзрачнымъ противъ этой величественной обстановки... Дорога, безпрестанно поднимающаяся и спускающаяся по крутымъ береговымъ откосамъ, вся усыяна камнями и нужно было удивляться какъ выносили во время оно русскія кости скачку въ телѣгахъ по этому пути. Въ аулѣ Казбекъ, лежащемъ недалеко отъ подножія горы этого имени, проводники пригласили насъ къ себѣ. Въ первый разъ былъ я въ домѣ туземца, но не взирая на любопытство, долго не могъ оставаться: ѣдкій дымъ соснового дерева, вонь отъ навоза, невѣдѣланныхъ овчинъ и сквернаго табаку, полунагія грязныя дѣти, оборванныя женщины, овцы, телята, все это вмѣстѣ, у одного разведеннаго посрединѣ сакли огня, надъ которымъ на желѣзной цѣпи виситъ черныи котелъ съ какою-то похлебкой, а въ золѣ пекутся лепешки, вотъ что составляло видъ этого жилища. Привыкли къ деревенской обстановкѣ въ Малороссіи, гдѣ у бѣднѣйшаго крестьянина въ хатѣ все опрятно, я просто глазамъ своимъ не вѣрилъ. Какая же тутъ, думалъ я, возможна поэзія, гдѣ же дѣвы горъ, гдѣ же эти эдемы Марлинскаго? Вѣрно дальше—вѣдь край большой: ну, скорѣе впередъ.

Къ позднему вечеру достигли Куби. Картина измѣнилась; ущелье шире; Терекъ не шумитъ, а едва замѣтно пробирается по долинкѣ, горы кругомъ уже не отвѣсными скалами, а болѣе покатыми грядями обступаютъ долину; нигдѣ ни деревца, ни цвѣтка. Хотя это было въ послѣднихъ числахъ іюня, но ночь была холодная, мартовская: комната на почтовой станціи—совершенный ледникъ; сторожъ изъ военно-рабочихъ

солдатъ-еврей весьма любезно предложилъ затопить „если господу желаютъ“. Что за вопросъ, кто же не пожелаетъ? „Пожалуста, поскорѣе, да хорошенько, мы вамъ уже на чаекъ за это“. „Ради стараться, ваше высокоблагородіе“, совершенно уже по солдатски выкрикнулъ лукавый солдатикъ-еврей и исчезъ. Черезъ десять минутъ онъ явился съ небольшою вязанкой дровъ, затопилъ печь и скрылся опять. Тепла отъ этой топки не произошло; печь огромная, комната тоже большая, остуженная; нужно бы много дровъ, чтобъ ее согрѣть; но мы уже напились чаю, не рѣшались во зло употреблять любезность сторожа и собирались улечься на твердыхъ досчатыхъ диванахъ, накрывшись все́мъ удобнымъ для этого, какъ дверь открылась и онъ появился съ тою же услужливо-улыбающею физиономіей. „Такъ какъ я, ваше высокоблагородіе, долженъ до разсвѣта отправляться по службѣ на Казбекскую станцію, то позвольте получить теперь расчетъ“. „Очень хорошо. Сколько слѣдуетъ за самоваръ? (больше мы ничего не брали).“ — „За самоваръ 30 коп., да 15 фунтовъ дровъ, по пяти копѣекъ за фунтъ — 75, да мнѣ за работу, если больше не пожалуете, то по положенію десять копѣекъ“. Вотъ чѣмъ окончилась услужливость сторожа. Не говорю уже что при нашихъ средствахъ издержка была очень чувствительная, мы были возмущены положеніемъ, чтобы проѣзжающіе, да еще на службу, сами отопливали станцію; наконецъ этою формою эксплуатированія невѣдающихъ правилъ и цѣвъ. Дрова на фунты! Этого мы никакъ не могли сообразить. Впрочемъ, здѣсь кстати замѣтить, что послѣ, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, я достаточно убѣдился, что такого самоуправства, такого безконтрольнаго, просто нахальнаго попиранія всякихъ правилъ, какъ въ управленіи почтовою гоньбой, едва ли еще гдѣ нибудь можно было встрѣтить. Мнѣ придется еще подробнѣе рассказывать объ этомъ предметѣ и во времена болѣе намъ близкія.

На другое утро туманъ покрывалъ все вокругъ и сырость въ видѣ инея садилась на платье. Я никакъ не могъ

составить себѣ яснаго понятія какъ совершается предстоящій намъ перевалъ черезъ горы, какъ долго онъ совершается и въ чемъ заключается опасность, ради коей всѣ проѣзжающіе какъ-то стереотипно повторяютъ: „вотъ лишь бы черезъ горы благополучно перебраться“. Наконецъ, звеня двумя колоколами подъ дугой и десятками бубенцовъ, подкатила къ крыльцу ухорская тройка, мы усѣлись и версты двѣ по ровной почти дорогѣ пронеслись какъ только можно пронестись на Руси, когда ямщикъ лихой парень, а тройка сытая, не загнанная. Начался подъемъ; я весь обратился во вниманіе, думалъ какія препятствія должны встрѣчаться на переѣздѣ черезъ горы, вѣчно покрытыя снѣгами видимыя за 400 версть.... Однако то шагомъ, то кое гдѣ рысдой, то по обрывистому берегу какого-то бурливаго потока, то по долині, встрѣчая и тройки, и верблюжьи караваны, и верховыхъ, мы черезъ 2½ часа были уже на станціи Кайшауръ, на южномъ склонѣ хребта, не выѣзая за всю дорогу изъ тѣлѣги... Подъемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ крутъ; по Гуть-горѣ дорога шла надъ обрывомъ, казавшимися неизмѣримо бездной, въ которой виднѣлись аулы и постройки весьма миниатюрныхъ размѣровъ; видъ былъ вообще дико-унылый, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежали грязныя, снѣжныя глыбы, остатки обваловъ; но ничего ни особенно поражающаго, ни опаснаго я не замѣтилъ. Въ послѣдствіи, проѣхавъ по этому пути не одинъ десятокъ разъ и въ разные времена года, я выяснилъ себѣ почему дѣйствительность такъ не соответствовала тогдашнему воображенію и убѣдился, что объ опасностяхъ не даромъ толковали и вообще почему переѣздъ черезъ горы считали чуть не подвигомъ.

Высшая точка перевала—около 7,600 футовъ, изъ коихъ до половины, если же болѣе, уже пройдено отъ Владикавказа до Кюби, по-степеннымъ, не совсемъ замѣтнымъ подъемомъ; слѣдовательно вторую половину по разработанной дорогѣ не мудрено было безъ большихъ затрудненій въ два часа проѣхать, а что виднѣется за 400 версть въ видѣ сплошной

цѣпи горъ покрытыхъ снѣгомъ, — это только вершины отдѣльно поднимающихся горъ, высшія точки хребта, удерживающія снѣгъ всегда и на далекомъ разстояніи кажущіяся сплошнымъ протяженіемъ; переѣзды же, само собою, выбираются на болѣе низкихъ уступахъ. Опасность, смотря по времени года, заключалась въ снѣговыхъ или земляныхъ завалахъ, обрушивающихся на дорогу непредвидѣнно, съ ужасною быстротой и силой, да въ бѣшеныхъ потокахъ, да въ возможности полетѣть съ обрыва, еслибы лошади испугавшись бросились въ сторону или не удержались на спускѣ и т. д.; но чуть ли не главную опасность видѣли въ возможности остаться въ какомъ-нибудь Кайшаурѣ или Коби пять, шесть дней, когда всякое сообщеніе прекращалось вслѣдствіе заваловъ или сноса бѣшеннымъ водопадомъ моста, или разливомъ Терека по дорогѣ. Мы проѣзжали въ хорошее время и при особенно счастливыхъ условіяхъ: дорога готовилась для проѣзда военного министра графа Чернышева и станціонные диктаторы не только не задерживали проѣзжающихъ, но даже съ любезностью старались скорѣе выпроваживать гостей.

Спускъ 'отъ Кайшаура въ Квишету, резиденціи окружнаго начальника, управляющаго племенами по дорогѣ живущими, былъ хорошо разработанъ; словомъ, мы безъ всякихъ затрудненій подвигались очень скоро, и достигли станціи Пасанауръ, на берегу быстрой Арагвы, въ живописномъ ущельи: крутыя покатости горъ покрыты лѣсомъ: каменными башнеобразныя жилища горцевъ разбросаны по склонамъ горъ, вѣточки пашень по крутизнамъ, множество потоковъ низвергающихся бѣлыми пѣнистыми полосками, непрерывный шумъ воды, подъ часъ трескъ—будто паденіе большого срубленнаго дерева, едва замѣтная стада овецъ пасущихся надъ обрывами, переѣзжающіе черезъ быструю рѣку верхами туземцы, все это слитое въ одну картину, въ одно впечатлѣніе чрезвычайно своеобразнаго, никогда не виданнаго.

Далѣе, Анауръ, Душетъ, небольшіе грузинскіе городки, въ которыхъ рѣзко выразился уже характеръ плодородной